

институциональная структура будет максимально упрощенной. Отсюда можно сделать вывод, что сведение общего уровня к инстинктивному пониманию окружающей реальности не вызовет сопротивление в виде революций и других актов социального неподчинения и значительно снижает затраты на обеспечение стабильности функционирования властных элит, а следовательно, может считаться одной из главных инструментальных составляющих институциональной трансформации на ближайшую перспективу.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
2. Галабурда М.К. Про специфіку взаємодії політики і економіки в Україні // Регіональні аспекти розвитку і розміщення продуктивних сил України. Збірник наукових праць Тернопільської академії народного господарства. – Вип. 6. Тернопіль. “Економічна думка”, 2002. – С. 166–173
3. Гэлбрейт Дж. К. "Экономические теории

и цели общества" @ Copyright 1999-2001, Institute "The School of Economics"

4. Малий І., Галабурда М. Економічна наука: проблеми усвідомлення методології// Економіка України. – 2006. – № 9(538). – С. 45-55.
5. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. – М.: Дело, 2002.
6. Pareto V. The mind and society; a treatise on general sociology / Edited by Arthur Livingston Translated by Andrew Bongiorno and Arthur Livingston, with the advice and active cooperation of James Harvey Rogers. New York.: Dover Publications, 1963.
7. Pareto V. Traite de sociologie generale. pp. 1749
8. Стігліц Дж. Грядет новая идеология // Деловые ведомости. Экономический еженедельник Эстонии. <http://www.vedomosti.ee/>
9. Эволюционная экономика и “мэйнстрим”. – М.: Наука, 2000.

Статья поступила в редакцию 20.06.2008

В.Н. ТАРАСЕВИЧ, д.э.н.,

Национальная металлургическая академия Украины

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Охватившие мировое сообщество глобальные, региональные и национальные трансформации сопровождаются разноплановыми институциональными изменениями. Их природа и направленность активно исследуются представителями различных отраслей научного знания – экономистами, историками, политологами, социологами, психологами. И как это обычно бывает, острых и дискуссионных вопросов поставлено гораздо больше, чем найдено удовлетворительных ответов. В полной мере это относится и к закономерностям¹ институциональных изменений. Каковы сами эти закономерности и каковы их основания? В какой мере они историчны, а в какой – современные? Какова их значимость для институциональных реформ в Украине? По понятным причинам,

нижеследующие заметки не претендуют на полноту и нормативность ответов на указанные вопросы, тем более, что опираются на изучение доцивилизационной институциональной истории. К тому же они «ограничены» ранее обоснованным пониманием институтов как противоречивого единства сублимированных инстинктов, протоинститутов и собственно институтов, а также соответствующих им феноменов бессознательного, подсознательного, чувственно-сознательного².

О влиянии психофизических образований на институциональный порядок

Поскольку человеческая деятельность как сознательное целенаправленное преобразование человеком универсума и самого себя является результатом естественноисторического последовательно-параллельного развития инстинктивного поведения и человеческого пове-

¹ Здесь и далее предполагается, что закономерность в отличие от закона отражает не жестко детерминированный характер объективной необходимости, а лишь ту или иную степень вероятности её проявления (См.: Спиркин А.Г. Основы философии. – М.: Политиздат, 1988. – С. 189).

² См.: Тарасевич В.Н. Экуника: гипотезы и опыты. – М.: ТЕИС, 2008. – С. 121-287.

дения, которое включает не только бессознательное, но также подсознательное и чувственно-сознательное начала, то вполне очевидно взаимодействие и взаимовлияние поведения и деятельности. Поскольку же базовыми субстанциональными блоками человеческого поведения являются психофизические образования (прежде всего, инстинкты) и протоинституты, а деятельности – собственно институты и иницируемый ими общественный порядок, постольку не вызывает сомнений взаимодействие инстинктов протоинститутов и институтов.

Прежде всего, обращает на себя внимание активное влияние психофизических образований на человеческую деятельность и общественный институциональный порядок. Так, генетикой поведения и её сравнительно новым направлением – генетикой личности достоверно установлено, что преимущественно генами как биологическими носителями бессознательных психофизических образований и феноменов, определяется множество психологических и интеллектуальных качеств человека, в том числе активность и пассивность, мнительность и тревожность, экстравертность и интравертность, самостоятельность и зависимость, альтруизм и эгоизм, агрессивность, сексуальность. В значительной мере генетически детерминированными считаются и такие, казалось бы, социально обусловленные особенности человека, как отношение к смертной казни, политические предпочтения (консерватизм, либерализм и т.д.), музыкальные вкусы (классическая, легкая или электронная музыка), предпочтительный вид отпуска, криминальное поведение. Доказано значительное генетическое влияние на различия между когнитивными особенностями взрослых индивидов.

На нынешнем уровне развития геномики можно говорить о генетической наследуемости поведенческого признака как о статистической характеристике какого-то свойства популяции, а не отдельного человека, что корреспондирует с концепцией коллективного бессознательного К. Юнга. Существуют значительные генетические различия между социальными группами. Не исключено, что в ближайшем будущем будут установлены молекулярные особенности генов, приводящие к ярким поведенческим межэтническим различиям³.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии особого генного механизма влияния психофизических образований человека на его

социальную природу. Это означает, что успехи генной инженерии и расшифровка генома человека сулят большие возможности искусственного конструирования не только биологических, но и посредством их – социальных характеристик человека. В поисках ответов на вопрос об оправданности подобных действий важно понять истоки и основания психофизических образований человека с тем, чтобы эксперименты с кроной не обернулись патологией или смертью корней человеческого существования.

Важное общенаучное значение имеет предпринятая П. Сорокиным попытка сопряжения психофизических и социальных процессов. По его мнению, каждый революционный период неизменно распадается на две стадии, неразрывно связанные друг с другом: собственно революционную, разрушительную и контрреволюционную – «реакцию». Необходимыми составляющими всякого революционного взрыва являются: 1) растущее подавление базовых инстинктов; 2) их всеобщий характер; 3) неспособность групп порядка (государство, правительство) предотвратить распад. Непосредственной причиной всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального удовлетворения базовых потребностей. Репрессия инстинктов – пищеварительного, собственнического, самосохранения, полового, свободы, самовыражения и других – приводит к попранию существующих социальных норм. К примеру, репрессированный пищеварительный инстинкт оказывает давление на те тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи и т.п. И тот, кто никогда не крал, становится вором и бандитом; кто всегда соблюдал закон, порывает с ним. Биологизированное человеческое поведение обрушивает существующий социальный порядок.

Вспомогательными условиями – слагаемыми революционного взрыва – П. Сорокин называет подавление у большинства людей их импульса к борьбе и соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребности в свободе (в смысле свободы слова и действия)⁴; иными словами, – процессов очеловечивания или социализации человека.

В революционные эпохи причины и следствия гораздо чаще меняются местами, чем в

³ См.: Вельков В. Куда идёт эволюция человечества? // Человек. – 2003. – № 2. – С. 16-26.

⁴ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 268-294.

эпохи эволюционные. Но главные причины революций вызревают в недрах эволюции, когда социально – биологический баланс устойчив, а тот или иной социальный или общественный порядок доминирует над биологическим (животным) и отвечает потребностям его нормального отправления.

П. Сорокин безусловно прав в том, что, во-первых, эволюционные «реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам»; во-вторых, «тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования»; в-третьих, «каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе»; в-четвертых, «реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами»⁵. Нетрудно заметить, что указанные императивы эволюционного реформирования выходят за рамки открытого П. Сорокиным феномена революционного воздействия репрессированных базовых инстинктов на существующий общественный порядок и его институты.

Поэтому с учетом вышеизложенного вполне правомерным является вывод о всеобщем влиянии бессознательных психофизических образований человека на его социальную природу и общественный порядок. Влияние всеобщее, поскольку 1) всевременно, то есть имеет место в эпохи эволюционные и революционные; 2) продуцируется указанными образованиями в любом, а не только в репрессированном состоянии; 3) относится к общественному порядку в целом и каждой его составляющей, к каждому человеку.

Поскольку психофизические образования человека исторически предшествуют общественному порядку, постольку они оказывают на него всеобщее влияние. Следовательно, архитектура инстинктов так же исторически предшествует и оказывает подобное влияние на институциональную универсумику и архитектонику.

О деятельностных основаниях институциональных изменений

Не менее значимым является воздействие деятельности на поведение, общественный порядок – на психофизические образования, институтов – на инстинкты. Уже простые эмпирические обобщения доцивилизационных исторических материалов убеждают в том, что противоречие между уровнем реальных и потреб-

ных процессов очеловечивания, с одной стороны, и существующим порядком социализации биологического, в том числе инстинктов, – с другой, обостряется всякий раз, когда формы его движения становятся все более неадекватными, и изменения порядка все более запаздывают. Антагонизм как результат такого обострения и запаздывания порождает революцию и снимается ею.

Разумеется, подавление базовых инстинктов может быть вызвано природными катаклизмами (стихийные бедствия и катастрофы, резкие изменения климата и т.п.) и неспособностью общественного порядка к адекватному реагированию. Но важнее иное. Исторический процесс очеловечивания человека предполагает формирование и развитие все более социализированных условий, механизмов, форм и инструментов, т. е. все более очеловеченного общественного порядка реализации его (человека) биологической природы. Исследования показывают, что истоки и механизмы этой эмпирически выявленной закономерности следует искать в жизнедеятельности и деятельности человека.

История протожизнедеятельности убедительно свидетельствует, что сознательное и целенаправленное воздействие человека на природу и на самого себя является не столько последовательными, следующими друг за другом процессами, сколько параллельными и взаимообусловленными. Поэтому и жизнедеятельность с момента своего рождения предстает опредмечивающе – очеловечивающей. Относительное обособление этих составляющих, утверждение их специфического содержания и особых форм является базовым неолитическим сдвигом. Выражаясь философским языком, именно благодаря этому двуединству жизнедеятельность узнает себя в себе, отличает себя от поведения животных и таким образом переходит из состояния «в себе» в состояние «для себя».

В соответствии с гипотезой баланса опредмечивания-очеловечивания изменения одной из его сторон неизбежно повлекут за собой изменения другой. Следовательно, крупные этапы разделения опредмечивания не могли не сопровождаться адекватными изменениями очеловечивания. Историческая наука, например, не оставляет сомнений в том, что неолитическая эпоха является и эпохой крупного разделения очеловечивания. В последнем достаточно определенно выделяются общественно (социо) очеловечивающая и биоочеловечивающая составляющие, а в каждой из них – соот-

⁵ Там же. – С. 271.

ветствующие конкретные виды. Так, в общественном очеловечивании обнаруживаются духовная, политическая, социальная и институциональная составляющие.

Разделение опредмечивания есть разделение его субъектов, предметов, орудий, технологий, операций, действий, продуктов и, конечно, паттернов как простейших собственно наноинститутов. Именно носители последних выступили активными субъектами отбора из многочисленных протоинститутов адекватных себе и соответствующему виду опредмечивания. Сознательно сотворенные наноинституты стали основанием и предпосылкой сознательного выбора и изменения протоинститутов, создания собственно институтов. Это, в частности, означает, что любое нарушение институционально – технического баланса содержит в себе институциональные предпосылки его восстановления в новом качестве. Далеко не все протоинституты, а в дальнейшем – институты, становятся невостребованными. Большинство из них трансформируется и «ранжируется» по камертону новых институтов. Происходит не низвержение родившейся в неолите институциональной универсумики, а ее трансформация, что и обеспечивает преемственность эволюции человечества на фоне революционных взрывов, ломок старых и рождения новых институциональных архитектур.

Особенности опредмечивания не могли не отражаться на содержании и характере очеловечивания: различные виды опредмечивания требуют особой сноровки, умений, навыков, а потому – соответствующей предварительной подготовки. Таким образом подтверждается взаимообусловленность опредмечивания и очеловечивания, а, следовательно, и их институциональных составляющих. На языке современных реалий это, в частности, означает, что во избежание глубоких институциональных разрывов институциональные реформы различных сфер общественной жизни (экономической, духовной, социальной, политической) должны быть взаимоположными, а соответствующие реформированные или новые институты – совместимыми и коммуникативными.

Если принять во внимание, что институты, в том числе паттерны, очеловечиваются, становятся неотъемлемой составляющей сущностных человеческих сил, то характер присвоения первых практически не отличается от характера присвоения последних. Микроинститутам адекватно индивидуально-групповое присвоение, мезоинститутам – индивидуально-коллективное, а нано- и самоинститутам – пре-

имущественно личное с потенциальной перспективой индивидуально-группового (коллективного)⁶. Но как быть в случае, если формальные институты отторгаются, не очеловечиваются? Объясним ли этот довольно часто встречающийся феномен в категориях «присвоение-отчуждение»? На мой взгляд, имеющиеся исторические материалы, относящиеся к неолитической революции, достаточны только для постановки данной проблемы.

Содержание неолитической революции позволяет изучать обмен продуктами опредмечивания не изолированно от иных процессов, а в контексте жизнедеятельности в целом, ее разделения, обмена опредмеченных и очеловеченных сущностных человеческих сил. Известная точка зрения на прибавочный продукт как основу существования очеловечивания (нематериального производства) не вызывает возражений в том смысле, что в эпоху разделения жизнедеятельности субъекты очеловечивания непосредственно не участвуют в производстве тех продуктов, которые потребляют в качестве еды, одежды или жилища. Но совершенно очевидно и другое. Прибавочный продукт не мог возникнуть вне трудовых усилий. Необходимой предпосылкой его производства явилось накопление соответствующих дополнительных, «прибавочных» очеловеченных сущностных сил. Из взаимоположности опредмечивания и очеловечивания непосредственно следует взаимоположность дополнительных очеловеченных сущностных сил, воплощенных в человеке, и дополнительных опредмеченных сущностных человеческих сил, материализованных в прибавочном продукте. Это означает, что уже, к примеру, старейшины или шаманы ни в коей мере не состояли «на содержании» у общины. Они обменивали накопленные ими сущностные силы, в том числе в виде протоинститутов, на продукты опредмечивания. Точно так же и современные врачи, преподаватели, ученые и другие работники так называемой «непроизводственной», т. е. нематериальной сферы являются равноправными участниками обмена

⁶ Мера условности различения индивидуально-группового и индивидуально-коллективного присвоения определяется известной условностью различий группы и коллектива. В данной работе предполагается, что в иерархии человеческих общностей коллектив обладает более значимым статусом. В частности, если для группы характерны в большей мере сходные, чем совместные условия, процесс, орудия, предметы и результаты жизнедеятельности, то для коллектива – в большей мере совместные, чем сходные. Следовательно, в индивидуально-групповом присвоении более развит узко личностный, эгоистический момент.

сущностными человеческими силами.

Итак, с развитием разделения жизнедеятельности масштабы обмена ею возрастают, а в нем самом уже достаточно очевидны три взаимосвязанных составляющих: 1) обмен между опредмечиванием и очеловечиванием, а в его рамках – обмен опредмеченных и очеловеченных сущностных сил, в том числе опредмеченных сил и институтов; 2) обмен между различными видами опредмечивания, обмен продуктами труда, т.е. товарами; 3) обмен между различными видами очеловечивания, в его рамках – обмен очеловеченными сущностными силами, в том числе – институтами и протоинститутами. Так, убедительно доказаны многочисленные факты обмена уже между общинами не только товарами, но и паттернами (например, способами обработки различного сырья)⁷. Именно такой обмен характерен для современных корпоративных и персональных сетей.

Одним из базовых оснований обмена опредмеченных и/или очеловеченных сущностных человеческих сил является институт талиона⁸, конкретизацией которого в соответствующих условиях выступает принцип эквивалентности обмениваемых сущностных человеческих сил. В связи с этим уместно сформулировать две взаимосвязанные гипотезы.

1. Продукт опредмечивания становится и остается товаром не «только тогда, когда он переходит из рук в руки не путем насильственного отчуждения или дарения, а лишь в результате добровольного обмена одной потребительной стоимости на другую, иную по своим качествам»⁹; не только при производстве продукта для обмена, а не для личного потребления, но и тогда, когда принцип эквивалентности обмена становится доминирующим институтом. Перечисленные условия товарности продукта опредмечивания обозначились уже в неолите, когда субъектами обмена выступали преимущественно общины. Они (условия) сохраняют свое значение и в современной экономике, осуществляя в целом успешную экспансию в сферы очеловечивания и очеловечивания-опредмечивания. Однако не исключено, что указанный институт может сбросить товарную форму и предпочесть ей какую-либо иную, например, планомерную. Вместе с индивидуализацией производимой продукции последняя

диалектически отрицает первую.

2. Теневая экономика, которая отнюдь не моложе экономики легальной, является одним из результатов неэквивалентного обмена между субъектами политической власти и экономическими субъектами. Неэквивалентная оплата советскими властями труда государственных наемных работников катализировала массовое движение «несунов», а неэквивалентные услуги государства гражданам страны в современных условиях стимулируют их теневую деятельность.

Об институциональном балансе и его формах

Упомянутый выше баланс опредмечивания – очеловечивания по своей природе субстанционален. Уже на этом уровне он принимает различные формы, например: 1) баланс очеловечивания-естественноопредмечивания-искусственноопредмечивания; 2) баланс очеловечивания-социоочеловечивания-искусственноопредмечивания; 3) баланс биоочеловечивания-социоочеловечивания и т.д. Поскольку неотъемлемой составляющей любой деятельности является деятельность институциональная, сублимирующая инстинкты, преобразующая протоинституты и формирующая собственно институты, постольку субстанциональный баланс институтов опредмечивания и институтов очеловечивания не менее многолик. Например, вполне реальны 1) баланс институтов: очеловечивания, естественноопредмечивания, искусственноопредмечивания; 2) баланс институтов: биоочеловечивания, социоочеловечивания, искусственноочеловечивания и т.д.

На ином уровне реальности и более конкретном уровне анализа субстанциональные формы институционального баланса принимают более конкретные, нередко и превращенные формы. Так, одной из причин неолитической революции Н. Моисеев считает несоответствие норм нравственности открывающимся техническим возможностям, обретенным человеком. С помощью изобретенного метательного оружия став монополистом в мире живого, человек довольно быстро уничтожил всех крупнокопытных и мамонтов – основу своего пищевого рациона, и оказался в условиях жесточайшего ресурсного кризиса¹⁰. Неолитическая революция, таким образом, стала необходимым нравственным ответом человека на вызовы собственного технического гения, поставивше-

⁷ См.: Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства: Первобытное воспроизводящее хозяйство (Политико-экономические очерки).- М.: Наука, 1985. – С. 118.

⁸ См.: подробнее: Тарасевич В.Н. Указ. соч. – С. 277-279.

⁹ См.: Румянцев А.М. Указ. соч. – С. 97-98.

¹⁰ См.: Моисеев Н.Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции //Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. – С. 127.

го самого человека на грань выживания.

Фактически сформулированная Н. Моисеевым идея техно – гуманитарно – экологического баланса является безусловно плодотворной. Становится, в частности, понятным, что поиск адекватных форм движения неклассического противоречия между технологически результативными паттернами (наноинститутами), общественными институтами и природными стандартами¹¹ суть вечный крест и «дамоклов меч» человека. В развивающемся обществе нарушения баланса наноинститутов и общественных институтов, то есть институционально – технологические разрывы – дело обычное. Вероятно, величина общественных издержек их преодоления, своеобразная «плата» за прогресс, обратно пропорциональна затратам на поиск и творение институциональных инноваций, адекватных технологическим.

Институциональный баланс имеет еще один немаловажный «срез». Речь идёт о роли и соотношении в рамках целостного института и/или институциональной универсумики сублимированных инстинктов, протоинститутов и собственно институтов. Активная и революционизирующая роль собственно институтов не подвергается серьезным сомнениям. Иное дело – протоинституты. Все еще предпринимаются попытки «обвинить» их в застое, консервации традиций и прочих «антиинновационных грехах». Между тем, исторические материалы свидетельствуют об ином. Протоинституты обеспечивают единство человечества, преемственность эволюции рода homo, несмотря на особенности различных социальных общностей (за идентичность которых они, кстати, также «ответственны»), являются важными истоками современных общечеловеческих ценностей, единения человека и природы. В революционные эпохи крушения формальных институтов протоинституты препятствуют необратимому срыву общества в тварное состояние, выполняют важную функцию обуздания животных инстинктов, охранения социального от биологического, трансляции социальных по своей природе деятельностных паттернов.

Протоинституты, таким образом, – не только сугубо исторический факт, но и современная реальность. Подобно инстинктам, они не уходят в небытие, а продолжают оказывать упорядочивающее влияние на жизнедеятельность. Изначальная закреплённость протоин-

ститутов посредством нервной ткани сохраняется. Следовательно, современный человек, как и его предок, является непосредственным носителем протоинститутов, а их генерационная трансляция возможна и необходима только в результате живого и не обязательно вербального контакта, ничем не опосредованной связи между людьми. В данном случае речь идет не только о воспитании детей дошкольного возраста, но о взаимоочеловечивании в широком смысле.

Очевидно, именно такому характеру связей адекватно подражание, при котором непосредственная трансляция протоинститутов обеспечивает преемственность собственных оснований человека и общества, предохраняет их от резких срывов идентичности. Вербальное же подражание, состоящее в некритическом копировании чужих протоинститутов, запечатленных не в нервном субстрате, а в искусственных носителях (право, закон) чревато образованием поверхностных формальных норм, неадекватных и даже антагонистичных реальным «своим», «почвенным» протоинститутам. Следовательно, опосредованный характер человеческих связей, в том числе опосредованная трансляция, требует более сложных механизмов и процедур, чем протоинституциональное подражание.

Протоинституты, разумеется, – не стремительные горные реки, но и не застывшие глыбы льда. Их текучесть подчиняется как собственной логике эволюции, так и активному воздействию собственно институтов. Изучение именно протоинституциональной эволюции¹² обнаруживает закономерность большей эластичности к изменениям менее адаптированных протоинститутов. Вероятно, она верна для эволюции собственно институтов, а следовательно, – и, институтов. В частности, в переломные эпохи ресурсы институциональной архитектуры могут быть недостаточны для выживания соответствующего общественного порядка, и решающую роль в его судьбе могут сыграть «неархитектоничные» элементы институциональной универсумики.

Разумеется, собственно институты динамичнее протоинститутов. Но направления изменений первых могут быть весьма неожиданными. Взять, к примеру, сложные наноинституты – комплексы осознанных деятельностных паттернов, которые переплетаются с существующими протоинститутами и конституируют соответствующие специализированные виды

¹¹ Природные стандарты, как «институты» природы, диктуют экономические императивы общественного развития.

¹² См.: Тарасевич В.Н. Указ. соч. – С. 148-180.

опредмечивания. Будучи доведенными до известного уровня совершенства, в том числе сочетания с природными стандартами, и автоматизма регулярным и многократным повторением из поколения в поколение, указанные комплексы переводятся в область подсознательного и обретают статус рутин – протоинститутов II рода. Закономерность трансформации в протоинституты II рода (в отличие от обычных протоинститутов I рода) характерна и для ряда собственно (формальных) институтов. К примеру, жива традиция празднования 1 мая, а невыплата «аванса» или «получки» 5 и 20 числа воспринимается как недопустимое нарушение традиции. Однако, устойчивыми протоинституты II рода могут быть только в том случае, если опираются на адекватно выражаемые в собственно институтах протоинституты I рода. Некогда сознательно учреждённый Первомайский праздник весьма «живуч», поскольку опирается на традицию борьбы наёмных работников за свои права. А вот дни выплат более подвижны, так как не имеют сильной «привязки» к протоинститутам I рода.

Некоторые выводы

Исследование доцивилизационной общественной эволюции позволяет сформулировать некоторые закономерности масштабных институциональных изменений, а именно:

- всеобщего влияния бессознательных психофизических образований человека на его социальную природу и общественный институциональный порядок (посредством генного и инстинктивно-преддательностного механизмов);
- формирования всё более социализированного (очеловеченного) институционального порядка реализации биологической природы человека как условия общественного прогресса;
- поддержания институционального баланса в его различных формах, в том числе: а) баланса общественных институтов и природных стандартов в их универсумной общности; б) баланса институтов опредмечивания и ин-

ститутотв очеловечивания; в) баланса между технологическими паттернами, общественными институтами и природными стандартами; г) баланса сублимированных институтов, протоинститутов и собственно институтов. Устойчивые нарушения институционального баланса чреватны институциональными разрывами (например, неолитический институционально-технологический разрыв). Величина общественных издержек их преодоления обратнопропорциональна затратам на поиск и/или создание адекватных институциональных инноваций. Следовательно, институциональные реформы различных сфер общественной жизни должны быть взаимоположными, а соответствующие реформированные и/или новые институты – совместимыми и коммуникативными;

- доминирующего влияния института табу на обмен опредмеченных и/или очеловеченных сущностных человеческих сил, в том числе институтов;

- трансформации собственно (формальных) институтов в протоинституты II рода (если последние опираются на адекватно выраженные в собственно институтах устойчивые протоинституты I рода). В связи с сознательным формированием собственно институтов следует учитывать закономерность большей эластичности к изменениям менее адаптированных институтов.

Разумеется, трудно оспаривать гипотетичность сформулированных закономерностей, пока они не верифицированы на материалах цивилизационной эволюции человечества. Вместе с тем, это обстоятельство не может служить непреодолимым препятствием для использования указанных закономерностей в осмыслении современных институциональных трансформаций. Гипотезы для того и формулируются, чтобы тестироваться на практическом материале, а их опровержение имеет для науки не меньшее значение, чем подтверждение.

Статья поступила в редакцию 15.05.2008